

ВЕСТНИК

**РОССИЙСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
НАУЧНОГО ФОНДА**

2009

3 (56)

Бюллетень

Издается с 1995 г.

Выходит 4 раза в год

Вестник Российского гуманитарного научного фонда

Учредитель: Российский гуманитарный научный фонд

Редакционная коллегия: Ю.Л.Воротников (главный редактор),
А.И.Амосов, В.И.Аршинов,
Л.А.Беляева, В.И.Васильев,
В.П.Гребенюк (зам. главного редактора),
М.Н.Громов, В.М.Гуминский,
В.З.Демьянков, В.И.Денисов, Н.Г.Денисов,
А.Б.Жижченко, В.Н.Захаров,
Р.А.Казакова (зам. главного редактора),
Л.П.Киященко, Е.А.Климов,
А.А.Малышев, Е.Ф.Тихомиров, Т.Н.Ушакова,
В.А.Хашенко, Е.Н.Швейковская,
В.В.Шелохаев, А.В.Юрасов

Рукописи объемом более 0,5 авт. л. к рассмотрению не принимаются. Статьи принимаются только в электронном виде на дискете стандартного формата приложением распечатки, заверенной автором.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в бюллетене материалов обращаться в Редакцию.

Содержание

Российская гуманитарная наука и задачи РГНФ

Воротников Ю.Л. Пятнадцать шагов за горизонты науки. 5
Юревич А.В. Новые тенденции в развитии науковедения и истории науки. 8

Над чем работают лауреаты конкурсов РГНФ

Исторические науки

Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). 16
Петров Ю.А., Дальманн Д. Религиозно-национальный фактор в развитии
российского предпринимательства (XIX — начало XX века). 23
Авилова Л.И. Региональные модели производства металла на Ближнем Востоке
в энеолите — среднем бронзовом веке. 35
Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Губина М.А., Куликов И.В. Изучение
генетико-антропологического состава населения древних историко-культурных
общностей Алтая. 46

Экономика

Маевский В.И. Реальный сектор и банковская система России в условиях
кризиса и в долгосрочной перспективе. 58
Анфиногентова А.А. Единая агропродовольственная политика России:
особенности и проблемы формирования. 66
Гусев А.А. Основы концепции экономики экологически устойчивого развития. 73

Философия. Социология. Политология. Правоведение

Порус В.Н. Эпистемологический смысл коммуникативной рациональности. 80
Кантор В.К. Культурфилософия Ф.М.Достоевского. 89
Рыбаковский Л.Л. Трансформация миграционных процессов на постсоветском
пространстве. 99
Лунев С.И., Любимов Ю.В. Восток: от научного знания к системе науки
(опыт для России). 109

Филология. Искусствоведение

Апресян Ю.Д. О проекте активного словаря русского языка. 118
Мельник А.Т. Иконостасы конца XVII—XIX века храмов Ростова Великого. 131
Беляев С.А. Жития херсонесских епископов — уникальный источник по
становлению христианства в Херсонесе. 144

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

Бодров В.А. Проблема профессионального утомления: состояние и перспективы
исследований. 158
Знаков В.В. Активная и пассивная эвтаназия: как ее понимают россияне
(на примере жителей Смоленска и Самары). 168
Прохоров А.О. Рефлективный и бытийный слои психического состояния. 176
Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. 186

Полевые исследования

Бородихин А.Ю., Казанцева Т.Г. Полевые археографические исследования Отдела
редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН в 2008 г. 196

Философия. Социология. Политология. Правоведение

*В.Н.Порус**

Эпистемологический смысл коммуникативной рациональности

В статье исследуется «коммуникативная рациональность» — фундаментальное понятие «новой эпистемологии». Показано, что содержание этого понятия обнаруживает тесное переплетение гносеологических и социологических элементов, методов, подходов. «Перекося» в сторону социологии ведет к вытеснению философской проблематики рациональности. Автор видит задачу эпистемологии в том, чтобы ассимилировать результаты социологических и социально-психологических исследований процессов рациональной коммуникации. Тем самым могут быть выявлены основания «гибкой» теории рациональности, составляющей важную часть «социальной эпистемологии».

Европейская культура переживает период кризиса рационального мышления. И попытки «удержать» рациональность в мышлении и практике сегодня востребованы, как никогда. В ответ на эту культурную потребность в философский тезаурус вошли «рациональность повседневности», «мягкая рациональность» как результат размывания границ между *episteme* и *doxa*, «открытая рациональность» развивающегося научного знания, которая, в отличие от «закрытой», не предполагает четко эксплицированных критериев, «гибкая рациональность», учитывающая меняющиеся условия и результаты исторически сложившейся формы деятельности. Исследования «коммуникативной рациональности» относятся к тому же ряду.

Специфика проблемы в том, что она была сформулирована в отрыве от эпистемологии. Ее основной смысл: как избежать давления идеалов и норм рационального поведения, которые встречают сопротивление со стороны реальных агентов этого поведения («актеров»), добивающихся своих целей в совместном действии без оглядки на требования некоей сверхвременной и надисторической рациональности, но при этом сохранить контроль «разумности», ограничивающий произвол, крайности волюнтаризма и иррационализма, а также поддержать такие оценки результатов практической и познавательной деятельности, как «истинность», «объективность», «адекватность» и т.п.?

Первоначальный замысел (его можно связать с именем Ю.Хабермаса [5, 6], хотя не только с ним) состоял в том, чтобы противопоставить идее рациональности как системе *предзаданных* критериев оценки деятельности (в том числе и в первую очередь — познавательной) идею рациональности, которая *возникает* в ходе этой деятельности как результат компромисса между участниками коммуникаций. Такой замысел прежде всего относился к анализу социальных практик (экономической, политической) и требовал определенных позиций по отношению к возникающим в этих практиках формам успешного поведения, преодоления разрушительных конфликтов и противоречий, сохранения эффективного партнерства между коммуникантами.

* Порус Владимир Натанович — доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Государственного университета — Высшей школы экономики, руководитель проекта «Коммуникативная рациональность как эпистемологическая проблема» (06-03-00301а).

Однако идея «коммуникативной рациональности» долго оставалась инструментом социальной философии, а также наиболее теоретических разделов социальных наук, в первую очередь социологии поведения, взаимодействия больших социальных групп, а также «социологии повседневности», испытавшей влияние феноменологии. Собственно эпистемологической проработки она не имела, что вело к конфликтам с концепциями рациональности, основанными на так называемом критериальном подходе [18] (рационально то, что соответствует критериям рациональности, принятым определенной культурой). Отсюда стремление перенести в теорию познания идеи и наработки социальной философии и теоретической социологии, где они должны были составить каркас «новой эпистемологии», для которой «коммуникативная рациональность» становилась фундаментальным понятием. Сопровождающее этот процесс ослабление критики релятивизма воспринималось скорее как положительный признак, свидетельствующий о «живом развитии» эпистемологии. Возникла двусмысленная ситуация: то, что должно было, по замыслу одних, остановить кризис рационализма, в глазах других выступало как углубление этого кризиса.

Методологическое разграничение «рациональной коммуникации» и «коммуникативной рациональности» полезно для того, чтобы сравнить две стратегии эпистемологического анализа: одна из них, которую можно назвать «абсолютизмом», заключается в поиске единой и единственной системы критериев рациональности, применение которых не ограничено никакими конкретными условиями. Такая стратегия направлена на жесткое отграничение сферы рациональности, «изнутри» которой можно оценивать действительность, осуществлять ее реконструкцию и критику. Вторая стратегия исходит из равноправия различных, даже противоречащих друг другу систем критериев рациональности, выбор между которыми зависит от множества конкретных условий и факторов, влияющих на решения акторов.

Первая стратегия связана с классической философией субъекта: границы рациональности совпадают со сферой знания, обладающего универсальностью, необходимостью и истинностью; рациональность — это общая характеристика деятельности (познавательной и практической), ведущей к такому знанию и направляемой им. Вторая стратегия характерна для неклассической гносеологии, в которой характеристики знания признаются относительными, зависящими от конкретных условий его получения и использования. Для этой стратегии выбор той или иной системы критериев рациональности обусловлен внешними по отношению к ней целями и ценностями. Само понятие рациональности определяется через них.

Обе стратегии уязвимы для критики. Они могут быть заменены иной, в которой поиск и утверждение критериев рациональности выступают как одна из стадий процесса рационализации познания и деятельности. Другая же стадия заключается в изменении, преобразовании или замене ранее принятых критериев, что приводит к смене типа рациональности. Эти стадии дополнительны друг к другу и имеют эпистемологический смысл только как таковые. Рациональная коммуникация (соответствующая первой стадии) обладает эпистемологической значимостью в связке с «коммуникативной рациональностью» (соответствующей второй стадии). Стратегия направлена на исследова-

ние границ человеческой свободы в сфере познания и практики, поскольку сама рациональность, понимаемая как непрерывный процесс, описываемый с помощью указанных эпистемологических стратегий, является не чем иным, как формой этой свободы. Такой подход предполагает реформу понятийного аппарата эпистемологии, прежде всего переформулирование таких понятий, как «критерий рациональности», «объективность и истинность как категории теории рациональности» и др. [19].

Вряд ли оправданно подменять эпистемологический анализ «коммуникативной рациональности» исследованием социальных обстоятельств, при которых участники коммуникативных процессов приходят к согласию о своих целях и средствах их достижения. Но именно такая подмена происходит, когда «коммуникативная рациональность» интерпретируется как процесс *конструирования* смыслов, описываемый в терминах социологии знания (хотя не только в них). Таковы, например, подходы А.Шюца [8, 9] или Н.Элиаса [3]. Тяготеют к этому и британские «социальные эпистемологи» Д.Блур [1], А.Голдман [4] и др. По Н.Луману, задача социолога в том, чтобы эксплицитировать процесс *отбора* как самих знаний, так и способов их оценки участниками «рациональной коммуникации» [17, 11]. Результат экспликации очевиден: отбор совершается вовсе не только в соответствии с какими-то «эпистемическими» (имеющими отношение к истинности или объективности знаний) критериями, а следуя иным, имеющим собственно социологическое содержание, требованиям (например, требованию продолжать дискурс в ситуациях, когда от этого зависит успешность совместного действия, но нет общих смысловых оснований, вынуждающих принимать решения независимо от воли или взаимной расположенности его участников).

Это относится к дискурсам любой природы, в том числе к научным или философским дискуссиям. Более того, эпистемологические критерии переинтерпретируются в социологических терминах: «истинность» понимается как особого рода символический код, применяемый как средство конструирования и отбора знаний в процессах коммуникации; разумеется, такой код не предзадан коммуникации, а является ее продуктом. Полагают, что такая интерпретация связывает социологию с эпистемологией. Но такая связь, если и достигается, то обходится эпистемологии слишком дорого: последняя оказывается не более чем терминологическим привеском к социологии.

И все же определенная «социологизация» методологической рефлексии, по мнению некоторых авторов, неизбежна [16]. Смысловой обмен между людьми осуществляется стихийно, он лишь отчасти вербализуем и управляем. Стихийная, всеобщая и постоянная коммуникация есть первичная и свободная активность, от которой производна рациональность как продукт философской рефлексии. Она предстает в форме дискурса и диалога, реализующих собой коммуникативные правила и фундаментальные условия коммуникации данной культуры. Следовательно, изучение этих условий (например, их социологический анализ) является необходимой предпосылкой эпистемологического анализа.

Вопрос о соотношении эпистемологических и социологических методов в процессе предполагаемой реформы — один из наиболее дискуссионных. Можно исходить из гипотезы о том, что различным типам рациональности соответствуют различные типы коммуникаций [10]. Исследование последних

(а оно относится прежде всего к социологическим характеристикам, хотя не только к ним) открывает путь к пониманию специфики первых, т.е. решает эпистемологические проблемы. Внешняя рациональность коммуникации, как правило, зависит от ее принадлежности к тем или иным глобальным формам социальности — к политике, религии, науке и т.д. Данная рациональность универсальна для каждой формы, но и специфична, ограничиваясь рамками этой формы. Внутренняя же рациональность общения не зависит от глобальных форм социальности. Каждая коммуникация решает проблему своей рациональности. Это рациональность, во-первых, выбора той или формы экспрессии или проявления коммуникации. Во-вторых, это рациональность той или иной интерпретации знаковой манифестации для выявления внутренних интенций или мотивов. В-третьих, это рациональность понимания, т.е. сравнения и понимания различности того, *что* сказано, и того, *для чего* это сказано.

Контекстуально само понятие коммуникативной рациональности. Ю.Хабермас связывал это понятие с «жизненным миром» человека. Последний может разрушаться, когда происходят интенсивные и быстрые изменения социокультурной реальности, утрачиваются привычные формы рационального поведения, какими характеризовалась коммуникация до этих перемен. Можно сказать, что происходит кризис «социальной экологии» с тяжкими последствиями для всего социума [20].

Для преодоления такого кризиса необходимы запреты на насильственное изменение структур коммуникативной рациональности. Чтобы такие запреты действовали, они должны стать жизнепрактическими смыслами коммуникантов. Таким образом, эпистемологической проблемой становится седиментация и последующая трансформация субъективных значений, благодаря которым «самосохраняется» социум как среда коммуникаций, рациональность которых определяется не только их успешностью, но и стабильностью «жизненных миров» их участников.

Социологическое мышление XX в. — предпосылка «коммуникативной рациональности». Так, по М.Веберу, адекватная реконструкция субъективного смысла социального действия возможна, если агент социального действия добивается поставленной цели минимальными средствами. Рациональность коммуникации между актором и его партнером в «понимающей» социологии производна от «целерациональности». Вебер был убежден в возможности однозначной интерпретации смысла действия, а также в том, что объективный смысл, приписываемый действию субъекта в рамках теоретической модели, соответствует субъективному смыслу, т.е. тому, что приписывает своим действиям сам актер. Вводя конструкт целерационального действия, М.Вебер постулировал совпадение субъективного и объективного контекстов значений в отношении элементов, типизированных в нем.

Однако идеализация Вебера не выдерживает сопоставления с реальностью коммуникации, в которой изначальные смыслы подвергаются непрерывной трансформации, а также возникают новые. Поэтому дальнейшее исследование этих процессов потребовало социально-феноменологического подхода [21], что радикально изменило классическую парадигму социального знания. В рамках социально-феноменологических представлений социальная реальность предста-

ет как необходимо intersубъективная, поскольку взятые совместно, свойственные этим представлениям идеализации взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантностей образуют всеобщий тезис взаимности перспектив. Подобные идеализации, «стирающие» уникальность личного опыта, и позволяют предположить наличие общего intersубъективного мира, в котором объекты воспринимаются «поверх барьеров» личного опыта.

С помощью базовых идеализации взаимности перспектив социальные феноменологи дают социологически значимое обоснование проблемы intersубъективности. По мнению Н.М.Смирновой, это дает возможность реального синтеза: «Понять социальное явление — значит интерпретировать его как человеческую деятельность, доступную пониманию в категориях типичной мотивации». И следовательно, все дело в проблеме интерпретации: «соответствие знакового контекста интерпретативных схем определяет условие и границы возможной коммуникации, т.е. способности партнеров адекватно понимать друг друга. Это важнейший методологический императив коммуникативной рациональности». Но необходимо выяснить пределы его применимости. Они зависят от присущей (отчасти биографически) коммуниканту системы типизации и релевантностей, которые могут сильно различаться, особенно если коммуниканты относятся к различным культурам. Поэтому коммуникация может быть высокорационализированной только там, где она обеспечивается формализованными и стандартными языками (например, в технике) [20].

Очевидно, что проблема рациональной коммуникации, «переведенная» на язык социальной феноменологии, не разрешается, хотя и получает новые исследовательские перспективы. Ввиду этого продолжают поиски подходов к этой проблеме, которые оставались бы при интуитивном понимании рациональности как эффективности и адекватности действия, направленного на удовлетворение некоторого интереса. Индивидуальные интересы находятся а) в контексте групповых интересов и б) в сложном и даже противоречивом взаимоотношении друг с другом. Поэтому собственно о коммуникативной рациональности можно говорить как о проблеме «группового равновесия», а в конечном счете — о проблеме социального порядка [12].

Известны так называемые парадоксы «коллективных решений» (Дж.Коллиман [2], М.Олсон [7] и др.): при значительном количестве участников деятельности наиболее рациональным для индивидуального участника является неучастие (разумеется, речь идет об определенных типах действий, например таких, где рациональность может быть измерена разностью между прибылью и издержками). Эти парадоксы, которые как будто свидетельствуют о непреодолимом расхождении между индивидуальной рациональностью и рациональностью коллективного решения, все же могут быть разрешены. Если у какого-то коммуниканта есть ресурсы воздействия на положительный исход того или иного действия (решения), в котором серьезно заинтересованы многие другие коммуниканты, то он агрегирует возможности для проведения собственного решения. Таким образом, принятие рационального решения выступает как результат «обмена ресурсами» между коммуникантами (например, при голосовании можно поддерживать чье-то решение в обмен на согласие поддержать решение, в котором заинтересован данный коммуникант;

калькуляция ресурсов становится способом определения рациональности коммуникации). Другой путь — организация процесса трансформации мнений участников коммуникации. Это уже зависит от множества переменных факторов: прочности мнений, сплоченности коллектива, наличия в нем явных лидеров и т.п.

При подходе, основанном на идеях П.Бурдьё [13], определение рациональности действия в коммуникации связано не с мотивами действующих, а с системами их «предпочтений», сформированных культурными и материальными условиями (габитусами). Габитус действующего как отношение и *промежуточное звено между позицией и практикой*, как диспозиция — и есть принцип рациональности [15].

В обоих случаях на первый план выходит социологический анализ коммуникации, результаты которого затем интерпретируются как основания для эпистемологических выводов. Однако эти выводы предопределены первоначальными установками исследователя и потому тавтологичны. Если рациональность действия изначально понимается как эффективное достижение некоторой цели, то дальнейший ее анализ может вести только к выяснению того, что в каждом конкретном случае выступает как цель или как можно измерять эффективность. А это уже вопросы не эпистемологии, а социологии, психологии или математического моделирования процессов принятия решений.

Исследование коммуникативной рациональности может проводиться и как выяснение условий, при которых обмен сообщениями между участниками удовлетворяет установленным критериям понятности, т.е. выступает как рациональный процесс. Здесь выделяются логико-семантические и прагматические аспекты этих условий: обмен информативными сообщениями понимается как обмен смыслами и значениями в конкретных ситуациях. Чтобы оценить успешность коммуникативных действий, необходимо устанавливать степень совпадения целей автора передаваемого сообщения с ожиданиями, возникающими в субъективной реальности его получателей. Мотивы и представления, определяющие поведение каждого из участников коммуникативного процесса, могут быть малосовместимыми, даже если все собеседники сходным образом фиксируют значение высказываний, из которых текст построен. Ведь действительное взаимопонимание обязательно предполагает и совпадение *смыслов*, связанных с восприятием целостного текста. Ориентация на смысловое содержание используемых в коммуникативном акте высказываний делает необходимым различение таких характеристик, как «значение» и «сила». Под «силой» сообщения понимается степень связи между структурными особенностями предложений, входящих в содержание соответствующего текста, и характером речевого поведения тех, кто воспринимает и интерпретирует этот текст [14].

Правила, прямо или косвенно регулирующие коммуникативные действия, можно разделить на две группы. К одной из них относятся те, которые стихийно формируются в процессах реального межличностного общения и лишь впоследствии начинают осознаваться. Эта группа правил оформляется после анализа уже осуществленных речевых действий. Вторую группу составляют правила, явным образом вводимые до начала действий. Они регулируют особые формы человеческого поведения, чаще всего имеющие условный

характер. Нарушение правил первой группы не разрушает полностью коммуникативное действие, но придает ему «патологический» характер. Наиболее важная их часть может получить теоретическое обоснование. Вторая группа правил порождает саму возможность осуществления действий.

В ситуациях общения люди конструируют свои представления о мотивах и целях отправителя получаемого ими сообщения на основе текста и совокупности условий, в которых его предъявление осуществляется. Таким образом, их рассуждение в данном случае идет от наличного результата к предполагаемым посылкам («абдуктивное умозаключение»). Используя его, человек может переходить от индуктивного обоснования высказанных догадок к дедуктивной модели коммуникативного процесса.

«Поверхностная» и «глубинная» информация, представленные в передаваемом тексте, будучи восприняты отдельно друг от друга, действуют на адресата не так, как их совокупность. В частности, освоение содержания, непосредственно присутствующего в полученном тексте, позволяет раскрыть лишь дескриптивную его часть, характеризующую некое существующее положение дел. Тогда как директивная часть, указывающая на необходимость изменения (или сохранения) этого положения, может остаться невыявленной. Способы восприятия передаваемого текста будут существенно различаться у его отправителя и получателей. Поэтому автор сообщения явно или неявно сталкивается с необходимостью убеждать собеседников в необходимости принять предъявляемый им текст и соответствующим образом прореагировать на него. Решение этой задачи составляет существенную часть всех коммуникативных актов. Каждый член группы старается добиться одобрения окружающими осуществляемых им действий, поскольку в противном случае коллективное действие распадется на ряд речевых актов, создающих иллюзию общения [14].

Формирование смысла в коммуникативных актах может исследоваться с применением теории габитуса П.Бурдьё. Мы воспринимаем мир таким, каким его позволяют увидеть наш язык, коммуникативные привычки, социальные институты. Это мир «с заданной телеологией». Такой мир действительно наполнен смыслом. Однако коммуникативные практики несводимы к габитусу. Это обнаруживается «на границе понимания», когда социальный опыт оказывается недостаточным для рационального общения. Тогда «актер» вынужден принимать решения, связанные с риском. А это требует рефлексивного отношения и к самому габитусу, и к основанной на нем рациональности. Отсюда отношение к знанию, как к ценности, не обязательно связанной с коммуникативной практикой. «Переключение» с габитуса на рефлексивное и обратно означает миграцию между «полями смыслов»: на одном из них все смыслы *уже определены* нашими привычками и навыками, следовательно, никакого рефлектирующего мышления для оперирования этими смыслами не требуется; на другом — смыслов, необходимых для коммуникации, *еще нет*, ничто не гарантировано и потому приходится *мыслить* [15]. Вопрос в том, можно ли рассматривать процессы возникновения и функционирования габитусов, т.е. стандартов понимания, как обусловленные присущей сознанию способностью рефлексии или же все определено социальной практикой и особенностями тех или иных типов коммуникации? Сама постановка этого вопроса выводит за границы социологического подхода.

* * *

Эпистемология коммуникативной рациональности требует не копирования социологических методов и терминологии, но комплекса средств, которыми располагает философская теория познания. В этот комплекс входят как логико-семантические (прагматико-ориентированные) методы анализа значений и смыслов, так и критико-рефлексивные методы исследования процессов обмена информацией, возникновения и закрепления системы эпистемологических ценностей в этих процессах. Анализ коммуникативной рациональности ведет к необходимости реформирования понятийного аппарата эпистемологии вообще и теории рациональности, в частности. Оно должно охватить собою как статику, так и историко-культурную динамику рациональности, выявить ее внутренние противоречия и показать, каким образом разрешение этих противоречий открывает перспективу новой эпистемологии, связанной с современным (постнеклассическим) этапом развития науки.

Литература

1. Bloor D. The Stengths of the Strong Programme // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. P. 199-214.
2. Coleman J.S. Foundations for a Theory of Collective Decisions // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 71. № 6.
3. Elias N. Ueber den Process der Zivilization. Sociogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Bd. I—II. Bern, 1939.
4. Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford, Clarendon Press, 1999.
5. Habermas J. Erlaeuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Habermas J. Vorstudien und Ergaenzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. F.a. M., 1984.
6. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. F.a.M., 1981.
7. Olson M. The Logic of collective Action: Public Goods and the Theory of Croups. Cambridge MA, 1965.
8. Schutz A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Collected, Papers. Vol. 1. The Problem of Social Reality. The Hague, 1962. P. 7—26.
9. Schutz A. The Problem of Rationality in the Social World // Economica. 1943. Vol. 10. May.
10. Антоновский А.Ю. Коммуникативная рациональность — внешняя и внутренняя // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVII. № 3. С. 71—77.
11. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007.
12. Антоновский А.Ю. Пространство, время, личность: три условия коммуникативной рациональности // Коммуникативная рациональность как эпистемологическая проблема. М.: ИФ РАН, 2009 (в печати).
13. Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современные социальные теории. Новосибирск, 1995. С. 16—39.
14. Гусев С.С. Метафизика текста. Коммуникативная логика. СПб., 2008.
15. Гутнер Г.Б. Следование правилу и габитус в описании коммуникативной деятельности // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 105—116.

16. Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008.
17. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
18. Порус В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки теории научной рациональности). М.: УРАО, 1999.
19. Порус В.Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 133–141.
20. Смирнова Н.М. Коммуникативная рациональность как проблема социальной эпистемологии // Коммуникативная рациональность как эпистемологическая проблема. М.: ИФ РАН, 2009 (в печати).
21. Шюц А. Феноменология и социальные науки // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 180-201.